

ТРАКТОВКА ОБРАЗА ПАВЛА I В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XXI в.

Статья посвящена анализу исторической литературы о российском императоре Павле I. Особое внимание было уделено тому, как изменился образ императора Павла I на протяжении второй половины XIX – начала XXI в. в трудах историков. В результате исследования сделан вывод о том, что дореволюционные, советские и современные российские исследователи, опираясь на одни и те же исторические источники, приходят к разным выводам относительно оценок личности и деятельности правителя.

Ключевые слова: Павел I; образ; историография; мемуары; исторические сочинения.

Российский император Павел I из-за нелёгкого жизненного пути, долгого ожидания восшествия на престол и трагической кончины стал не только объектом исторической дискуссии, растянувшейся на века, но и человеком, исторический образ которого имеет много граней. Противоречивая личность стала в такой же мере противоречивым политиком, получив в воспоминаниях современников и трудах историков различные оценки – от признания Павла абсолютно неспособным к управлению и ввергнувшим страну в хаос до монарха, имевшего ясную цель и желавшего народу благополучия. По меткому замечанию известного российского историка А.Н. Боханова, руку к созданию образа так недолго правившего монарха приложили «психиатры от истории», которые сформировали своё мнение после изучения мемуарной литературы, где Павла I называют не иначе как «сумасшедшим, параноиком или даже идиотом» [1. С. 196]. Неоднозначность фигуры Павла I даёт возможность «дистраивания» образа монарха исследователями и выявления его эволюции в контексте идеологических и историографических изменений [2. С. 12–13].

Начало формирования образа Павла можно отнести к середине XIX в., когда в России в 1869 г. был опубликован дневник С.А. Порошина, повествующий о детстве наследника престола Павла Петровича [3]. Немногом ранее, в 1852 г., свет увидела работа Д.А. Милютин «История войны России с Францией в царствование императора Павла в 1799 году» [4]. Последующие десятилетия ознаменовались публикацией практически недоступных ранее исследователям произведений мемуарной литературы, повествовавшей о различных моментах в жизни и деятельности монарха. И хотя в первых исследовательских трудах период правления Павла затрагивался лишь вскользь, а политическая составляющая не была изучена [5. С. 22], появление подобных произведений, сочетавшееся с расширением источниковой базы, подготовило почву для перехода к более серьёзному изучению личности и деятельности правителя в начале XX в.

Одной из первых исторических работ, всецело посвящённых Павлу I, стал труд главного редактора журнала «Русская старина» Н.К. Шильдера «Павел I. Его жизнь и царствование», изданный в 1901 г., где период правления императора был обозначен как «краткий, но незабвенный по жестокости» [6. С. 233]. Причины болезненного душевного состояния правителя историк находил, помимо всего прочего, в атмо-

сфере, в которой проходило его детство: отчуждённость от матери и воспитание придворными няньками развило в наследнике престола такие чувства, как страх и пугливость [Там же. С. 10].

Ещё один дореволюционный исследователь павловской эпохи Е.С. Шумигорский в работе «Император Павел I. Жизнь и царствование» (1907 г.) также упоминал о «боязни и подозрительности», которые развились в будущем монархе уже с детства. Особенности воспитания автор связывал с методами управления, говоря о том, что в будущем это «породило много жестокостей» [7. С. 131]. Одним из мотивов государственной деятельности императора Н.К. Шильдер называл «возмездие за 1762 год» (год убийства его отца – императора Петра III. – А.Н.) [6. С. 235]. По словам историка, в Павле I играли сложные чувства, и он «являлся как бы судьёй отношений, существовавших между его отцом и матерью» [Там же]. Очевидно, историк имел в виду месть Павла I матери за узурпацию власти и долгое ожидание престола. «Новое царствование с первых же дней сделалось отрицанием предыдущего», – писал Н.К. Шильдер [Там же. С. 240]. Однако подтверждение своих слов исследователь находил лишь во внешних атрибутах: изменениях, произошедших во дворце, вахтпарадах и пр. [Там же]. В целом учёный резко отзывался об эпохе Павла I, утверждая: «В такой простой, в такой наивной форме, как при Павле, самовластие ещё ни разу не являлось в России. Это был своего рода бред или, как выразился граф Воронцов, хаос. Всякая идея политического прогресса была отстранена. Одно понятие: самодержавие неограниченное, – были двигателями всех действий Павла» [Там же. С. 245–246]. Основанием для подобных выводов автора стали выбранные им цитаты из воспоминаний современников, например И.М. Муравьёва-Апостола, позволявшие дать следующую характеристику времени правления Павла I: «Наступившую тогда новую эпоху в русской истории называли, где как требовалось: Торжественно и громкогласно – возрождением; в приятельской беседе, осторожно, вполголоса – царством власти, силы и страха; втайне, между четырёх глаз – затмением свыше» [Там же. С. 245].

Однако в работе Е.С. Шумигорского, тоже написанной с опорой на мемуарную литературу, мы находим совсем иные, чем в труде Н.К. Шильдера, оценки государственной деятельности императора. Так, учёный утверждал, что своим долгом Павел I считал за-

боту о крестьянах и «приструнение туеядцев-дворян», а сословные привилегии для него были хороши лишь в том случае, если они существуют для пользы государству [7. С. 107, 112]. Естественно то, что подобные взгляды императора не устраивали дворян, поэтому, по словам историка, бурную реакцию общества вызывало даже то, что было естественно для дворянской службы. Ссылаясь на мемуариста А.Т. Болотова, исследователь подчёркивал, что «воздыхание и утирание слёз» вызывал даже приказ Павла I явиться на место службы [Там же. С. 108]. При всей положительной оценке управленческой деятельности Павла Е.С. Шумигорский вполне объективно оценивал личные качества монарха, упоминая о его раздражительности и приступах гнева [Там же. С. 117].

Историк писал и о том, что Павел «в раздражении иногда бросался на офицеров» [Там же. С. 128], но при этом он же утверждал, что исключались офицеры со службы «за пьянство и нерадение» [Там же. С. 129]. Так же внимательно Е.С. Шумигорский старался подойти к вопросу о том, почему император оказался преданным своими приближёнными и был убит в результате заговора. По его словам, высшее общество Петербурга было под впечатлением от интенсивности предпринимаемых императором дел, и ему нелегко было оставить свои прежние привычки [Там же. С. 117].

Помимо интенсивной законодательной деятельности Е.С. Шумигорский в ряд причин цареубийства включает также то, что Павел I ненавидел порядки, заведённые при Екатерине II, не смог сформировать свою команду приближённых, разделяющих его идеи, был одинок в своих попытках проведения изменений, которые оказались лишены системы [Там же. С. 120]. Подобная оценка деятельности Павла дала возможность современному ученому А.В. Скоробогатову заявить о возвеличивании Е.С. Шумигорским павловской системы управления государством [5. С. 22].

Среди исторических исследований дореволюционного периода, посвященных Павлу I, можно выделить и работу польско-французского историка К.Ф. Валишевского. По словам учёного, при создании работы «Павел I» им были использованы все значимые и представляющие интерес читателю источники, среди которых мемуары современников, Полное собрание законов Российской Империи и статьи «Санкт-Петербургских ведомостей» [8. С. 10]. Изученные источники позволили автору заявить о несостоятельности политической программы императора по реформированию страны, поскольку на момент получения власти монархом был заготовлен лишь проект военной реорганизации, и он был доведён «до достаточной степени если не совершенства, то зрелости, но лишь в виде намерений, неопределённых планов и неясных мечтаний» [Там же. С. 151].

К.Ф. Валишевский отмечал готовность Павла I к изменениям в армии и гвардии, планировавшимся как одна из главных реформ монарха. Павел I желал изменить многое, «и это прежде всего приводило к обнаружению, и даже усилению, недостатка находившихся в его распоряжении средств» [Там же. С. 154]. Некоторые идеи монарха, такие как мысль о

введении министерств, по мнению историка, были очень своевременными, но не были осуществлены по причине непродуманности [8. С. 156–157].

Интересны мысли К.Ф. Валишевского относительно личных качеств самодержавного правителя. Историк считал Павла I склонным к подражанию и, учитывая его поклонение перед Фридрихом II, который в силу своего высокомерия не имел советников, объяснял павловскую формулу единоличного управления, ссылаясь на фразу Ф.В. Ростопчина: «Государь ни с кем не разговаривает ни о себе, ни о своих делах. Он не выносит, чтобы ему о них говорили. Он приказывает и требует беспрекословного исполнения» [Там же. С. 100–101]. Исследователь утверждал, что в действиях императора не было последовательности: «Его система состояла в том, чтобы не иметь её вовсе» [Там же. С. 169]. Впрочем, К.Ф. Валишевский признавал благие намерения монарха в некоторых начинаниях. Так, по его мнению, в сословной политике Павла I прослеживались уместные действия, поскольку государь «не хотел воевать» с дворянством, но при этом поддерживал крестьян, так как зачастую крепостное право принимало форму «рабства со всей его непривлекательностью» [Там же. С. 160, 168].

В целом нельзя сказать, что дореволюционная историография в отношении Павла I была однобокой – указанные выше авторы обнаруживали как положительные, так и отрицательные качества монарха, приходя при этом к разным выводам. Интересной представляется точка зрения известнейшего историка В.О. Ключевского, который в своём «Курсе русской истории», уделив Павлу I сравнительно мало внимания, тем не менее заявлял, что не разделяет скептических взглядов на это правление. Более того, учёный утверждал, что царствование Павла I стало вполне логичным звеном в истории России и удачно вписывается в период между правлением Екатерины II и Александра I, поскольку «оно органически связано как протест – с прошедшим, а как первый неудачный опыт новой политики, как назидательный урок для преемников – с будущим» [9. С. 1103].

Произошедшие затем революционные события, приведшие к свержению монархии и установлению нового политического строя, отнюдь не способствовали сколько-нибудь объективному рассмотрению образа любого императора, в том числе и Павла I. Неудивительно поэтому, что в работах видного советского историка-марксиста М.Н. Покровского Павел I предстаёт как человек нездоровый и «не чуждый алкоголизма» [10. С. 29]. В истории Дома Романовых, по словам ученого, были «деспоты крупного стиля», такие как Пётр I, «но мы не встречаем у них того мелочного деспотизма и капризливости, детского самодурства, которые так характерны для первого императора Голштинского дома» [Там же]. Исходя из таких оценок, вполне логична характеристика государственной деятельности императора: «Павел ни на минуту не думал о классовых противоречиях, когда издавал свои указы. Он руководствовался исключительно минутным капризом или инстинктивным отвращением ко всякому стеснению своей личной воли» [Там же. С. 33]. Даже политику Павла в отношении дво-

рянства историк считал непродуманной, указывая: «Служба дворянской молодёжи стала значительно тяжелее... Неудачная военная карьера лишала члена господствующего сословия самой важной сословной привилегии – права служить по выборам от дворянства и даже участвовать в них» [10. С. 32]. М.Н. Покровский при описании политических действий императора показательно употреблял слово «система» в кавычках, подчёркивая тем самым её отсутствие [Там же. С. 34].

Тем не менее, несмотря на явную идеологизацию оценок личности и деятельности Павла I, советский историк, как и его предшественники, использовал тот же набор источников-мемуаров. Так, М.Н. Покровский утверждал, что в ситуации с убийством императора дворянство отреагировало не на ущемление в правах – с этим высшее сословие сталкивалось не каждый день, а на экономические ограничения в виде разрыва отношений с Англией [Там же]. Подобную точку зрения мы можем найти у одного из мемуаристов – М.А. Фонвизина, писавшего: «Разрыв с Англией, нарушая материальное благосостояние дворянства, усиливал в нём ненависть к Павлу I» [11. С. 203]. Гибель императора от рук заговорщиков исследователь считал расплатой монарха за попытку «коснуться грубой рукой интересов господствующего класса» [10. С. 34].

Дальнейшее развитие советской исторической науки, хотя и шло по-прежнему в рамках марксистско-ленинской идеологии, тем не менее характеризовалось повышением теоретического уровня публикаций, расширением источниковой базы исследований и постепенным отходом от гипертрофированной политизации в оценках прошлого. Все это вместе взятое способствовало формированию новых подходов в изучении истории страны. Поэтому в изданной в 1982 г. работе Н.Я. Эйдельмана «Грань веков» большое внимание было уделено сущности и природе политики Российской империи на рубеже XVIII–XIX вв., в том числе личности и государственной деятельности Павла I. Труд Н.Я. Эйдельмана был создан на основе множества исторических источников, включая мемуары современников, донесения послов и труды историков дореволюционного периода. По мнению автора, формулу власти Павла I хорошо характеризует фраза, сказанная шведскому послу: «Господин посол, знайте, что в России нет важных лиц, кроме того, с которым я говорю и пока я с ним говорю» [12. С. 58]. Н.Я. Эйдельман писал о политической цели императора – «максимальной централизации, предельном усилении императорской власти», которая происходила из веры монарха в божественное предназначение государя в так называемую мистику власти [Там же. С. 60]. К основным чертам «павловского стиля» историк относил «чрезвычайную интенсивность законодательства, непрерывную ломку, реорганизацию, новшества, перемены» [Там же. С. 61]. При этом Н.Я. Эйдельман считал, что стержнем всех законов были «централизация и самодержавие», поэтому, даже несмотря на «мелочи» в виде запрета на ношение круглых шляп или введения военной формы прусского образца, монарх шёл к определённым результатам, и «мелочи, несомненно, имели

отношение к генеральным, идеологическим проблемам, которые пытался решить Павел I» [12. С. 64, 78]. Причиной политических неудач императора историк считал конфликт в отношениях с дворянством, которое должно было стать проводником идей монарха, но стало препятствием на пути их реализации [Там же. С. 85]. Таким образом, даже в противоречивости действий императора ученый видел определенную системность.

Современная российская историческая наука, лишенная, с одной стороны, жесткой идеологической заданности, но сохранившая генетическую связь с исследованиями советского периода, с интересом относится к личности и деятельности Павла I. Формирующееся на рубеже XX–XXI вв., по мнению О.А. Леонтьевой, историческое сознание монархического типа определяет поворот к представлению о всемогуществе единоличной власти [2. С. 432]. Публикующиеся с 90-х гг. XX в. исследования объединяет положительное отношение к императору и его реформам. С именами таких историков, как Ю.А. Сорокин и А.Н. Боханов, связан новый научный взгляд на изучаемую эпоху. Указанные исследователи не считают, что император проводил политику «контрреформ», и выделяют чёткую цель, которую имел монарх. Правда, эта цель и её внутренние задачи трактуются исследователями по-разному. Так, Ю.А. Сорокин считает, что Павел I хотел укрепить самодержавие в условиях кризиса внутренней и внешней политики [13. С. 47]. А.Н. Боханов, заявляя, что государственная деятельность Павла I не была хаотичной, видит в ней следующие задачи: ослабление значения дворянского сословия в виде ограничения его беспредельных экономических и сословных преимуществ, облегчение тягот крестьян, установление законности и порядка на основе регламентации [1. С. 199].

А.Н. Боханов полагает, что со смертью Екатерины II, несмотря на сложившееся мнение о ее «блестящем правлении», наследнику престола досталось тяжёлое наследство: долг и разлад финансовой системы, огромное количество нерешённых дел в Сенате. Но самое главное, по мнению историка, заключается не в этом. Рухнул «тепло-рутинный чиновно-аристократический мир», и чиновников заставили работать, а военных – служить [Там же. С. 212–214]. Это и попавало к неудаче павловские реформы, ведь так называемую тиранию ощутили на себе как раз приближённые, которые были этим недовольны [Там же. С. 208]. Главной же «бедой» Павла I А.Н. Боханов называет отсутствие толковых исполнителей, поскольку двор был наполнен лишь «придворными интриганами» [Там же. С. 204].

Другой видный исследователь павловской эпохи – Ю.А. Сорокин, положительно оценивает государственную деятельность монарха, но при этом не разделяет мнения о покушении на свободу дворянства. Он считает, что никаким гонениям главное сословие страны не подвергалось, и приходит к выводу, что речь шла лишь о «регламентации деятельности дворян и призыве к исполнению своих прямых обязанностей», в то же время положение крестьян, вопреки желанию императора, не улучшилось [13. С. 69]. По-

ложительно историк отзывался и о внешней политике России при Павле I. В частности, Ю.А. Сорокин пишет, что император руководствовался не желанием разрушить дела матери, а трезвым политическим расчётом [13. С. 71]. По словам учёного, Российская империя при Павле I ставила стратегические задачи и пыталась их решить, а критика на него обрушилась в связи с разрывом с Англией, союз с которой был жизненно необходим дворянству [Там же. С. 75].

Таким образом, анализ исторических сочинений второй половины XIX – начала XXI в., посвященных личности и деятельности императора Павла I, со всей очевидностью свидетельствует о заметном изменении

в них трактовки образа монарха. Дореволюционные, советские и современные российские исследователи, опираясь на одни и те же исторические источники, приходят к разным выводам относительно оценок его личности и деятельности. В одних трудах Павел предстаёт как деспот и самодур, в других – как дальновидный политик, который руководствовался в своей государственной деятельности целью и интересами России. Подобная эволюция образа Павла I является отражением изменений, происходящих и происходивших в общественном сознании, поэтому вполне можно предположить, что и в дальнейшем образ правителя будет меняться в соответствии с эпохой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боханов А.Н. Павел I. М.: Вече, 2010. 448 с.
2. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX в. Самара: Книга, 2011. 448 с.
3. Порошин С.А. Сто три дня из детской жизни императора Павла Петровича // Русский архив. 1869. № 1. С. 1–64.
4. Милотин Д.А. История войны России с Францией в царствование императора Павла в 1799 году: в 5 т. СПб.: Тип. штаба военно-учебных заведений, 1852.
5. Скоробогатов А.В. Цесаревич Павел Петрович: политический дискурс и социальная практика. М.: РГГУ, 2004. 346 с.
6. Шильдер Н.К. Павел I. Его жизнь и царствование. М.: Эксмо, 2010. 432 с.
7. Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. СПб.: Типография В.Д. Смирнова, 1907. 264 с.
8. Валишевский К.Ф. Павел I. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2004. 448 с.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2011. 1197 с.
10. История России в XIX веке. Дореформенная Россия. М.: Центрполиграф, 2001. 589 с.
11. Из записок Фонвизина // Царевичество 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1907. С. 199–213.
12. Эйдельман Н.Я. Грань веков. М.: Мысль, 1982. 368 с.
13. Сорокин Ю.А. Павел I: личность и судьба. Омск: Омский госуниверситет, 1996. 211 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 28 июня 2017 г.

INTERPRETATION OF THE IMAGE OF PAUL I IN THE WRITINGS OF HISTORIANS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – BEGINNING OF THE 21ST CENTURIES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 129–133.

DOI: 10.17223/15617793/423/17

Anton V. Neverov, Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: a.v.neverov610@mail.ru

Keywords: Paul I; image; historiography; memoirs; historical works.

The article is devoted to the analysis of historical literature about Russian Emperor Paul I. Particular attention is paid to how the image of the monarch was modified during the second half of the 19th – beginning of the 21st centuries. It can not be said that the list of works on Paul I is great; nevertheless, pre-revolutionary, Soviet and modern Russian historians were studying the era of his reign. The interest of historical science in the personality and activity of the Russian emperor is due to the fact that the monarch is a rather controversial and ambiguous figure, which is indicated by his state activity, personal qualities and, moreover, his tragic death as a result of a conspiracy, due to which a comprehensive study of the period of Paul I's reign throughout the century was limited. The contingent of historians in this work is determined in accordance with the chronology: studies of pre-revolutionary (N. Schilder, E. Shumigorsky, K. Valishevsky), Soviet (M. Pokrovsky, N. Eidelman) and modern Russian (Yu. Sorokin, A. Bokhanov) researchers. Using the same historical sources published at the turn of the 20th century, historians interpret the image of the emperor differently, apparently based on a selective analysis of the works of memoir literature available to them. It must also be said that the image of the emperor presented by historians was influenced by the era in which their historical work was created – often the dominant ideology and general scientific tendencies made their own corrections. In this regard, it should be noted that historians come to different conclusions, and the image of the emperor developed from contradictory in pre-revolutionary works, unambiguously negative in the early Soviet period to positive in the works of modern Russian researchers. In their works historians present the most important, in their opinion, moments, describing both the personal qualities of the emperor, which undoubtedly influenced his state activity, and also characterizing the policy Paul I pursued. The analysis of historical literature in the second half of the nineteenth and the beginning of the 21st centuries, carried out in the article, makes it possible to state that the image of Emperor Paul I has changed markedly over the centuries. Using primarily memoir literature, pre-revolutionary, Soviet and modern Russian historians compiled various historical portraits of the monarch: in some, Paul I was incapable of governing the state, in others he was a far-sighted politician who set strategic goals for Russia. Such an evolution of the image of Pavel I is a reflection of the changes taking place and taking place in the public consciousness, enabling further “completion” of the image of the monarch.

REFERENCES

1. Bokhanov, A.N. (2010) *Pavel I* [Paul I]. Moscow: Vechе.
2. Leont'eva, O.B. (2011) *Istoricheskaya pamyat' i obrazy proshlogo v rossiyskoy kul'ture XIX – nachala XX vv.* [Historical memory and images of the past in Russian culture of the 19th – early 20th centuries]. Samara: Kniga.
3. Poroshin, S.A. (1869) *Sto tri dnya iz detskoy zhizni imperatora Pavla Petrovicha* [One hundred and three days from the child's life of Emperor Pavel Petrovich]. *Russkiy arkhiv*. 1. pp. 1–64.

4. Milyutin, D.A. (1852) *Istoriya voyny Rossii s Frantsiey v tsarstvovanie imperatora Pavla v 1799 godu: v 5 t.* [The history of the war between Russia and France in the reign of Emperor Paul in 1799: in 5 vols]. St. Petersburg: Tip. shtaba voenno-uchebnykh zavedeniy.
5. Skorobogatov, A.V. (2004) *Tsesarevich Pavel Petrovich: politicheskiy diskurs i sotsial'naya praktika* [Czarevitch Pavel Petrovich: political discourse and social practice]. Moscow: RSUH.
6. Shil'der, N.K. (2010) *Pavel I. Ego zhizn' i tsarstvovanie* [Paul I. His life and reign]. Moscow: Eksmo.
7. Shumigorskiy, E.S. (1907) *Imperator Pavel I. Zhizn' i tsarstvovanie* [Emperor Paul I. Life and reign]. St. Petersburg: Tipografiya V.D. Smirnova.
8. Valishevskiy, K.F. (2004) *Pavel I* [Paul I]. Moscow: TERRA – Knizhnyy klub.
9. Klyuchevskiy, V.O. (2011) *Kurs russkoy istorii. Polnoe izdanie v odnom tome* [A course of Russian History. Complete edition in one volume]. Moscow: AL'FA-KNIGA.
10. Pokrovskiy, M.N. et al. (eds) (2001) *Istoriya Rossii v XIX veke. Doreformennaya Rossiya* [History of Russia in the 19th century. Pre-reform Russia]. Moscow: Tsentrpoligraf.
11. Fonvizin, D. (1907) *Iz zapisok Fonvizina* [From the notes of Fonvizin]. In: *Tsareubiystvo 11 marta 1801 goda. Zapiski uchastnikov i sovremennikov* [Regicide of March 11, 1801. Notes of participants and contemporaries]. St. Petersburg: Izdanie A.S. Suvorina.
12. Eydel'man, N.Ya. (1982) *Gran' vekov* [The edge of centuries]. Moscow: Mysl'.
13. Sorokin, Yu.A. (1996) *Pavel I: lichnost' i sud'ba* [Paul I: personality and fate]. Omsk: Omsk State University.

Received: 28 June 2017